

Анна Шилд
Ада Огнева

Примерочная для
МАЖОРА

Ада Огнева

Примерочная для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Примерочная для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор»,
2026

Юля Воронцова умеет спасать безнадежные костюмы, но не собирается спасать наглого мажора, ворвавшегося в её подвал под проливным дождём. Ян Северский привык покупать всё — от идеального смокинга до чужого послушания. Упрямая закройщица возвращает деньги, заставляет стоять смирно и режет правду о его дорогих портных острее ножниц. Ему нужен её талант для модного дома. Ей нужны свобода и достойная работа. Контракт мог бы устроить обоих, если бы каждый не пытался диктовать условия. И если бы во время примерок между ними оставалось чуть больше воздуха.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Шилд

Примерочная для мажора

Примерочная для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Первый ноябрьский ливень топил Замоскворечье третьи сутки подряд. Мутная холодная вода с шумом хлестала по водосточным трубам, срывалась с чугунных козырьков и сплошным пенным потоком скатывалась вниз по крутым бетонным ступеням в наш подвальный приямок. Экспресс-ателье «Стежок» ютилось в цокольном этаже старого доходного дома в двух переулках от станции метро «Новокузнецкая». Здесь пахло сырой штукатуркой, машинным маслом, пригоревшим от тяжелого пресса сукном и крепким чаем с перечной мятой, который Рита безостановочно заваривала в шербатой фаянсовой кружке.

Каждые четыре минуты пол под ногами мелко вздрагивал. Где-то прямо под нашим фундаментом с глухим нарастающим ревом проносился состав зеленой ветки метро. Стеклобанная банка с разнокалиберными пуговицами на верхней полке отзывалась на этот подземный грохот тонким предупреждающим перезвоном, а пыльная подвесная лампа на длинном витом шнуре начинала медленно покачиваться из стороны в сторону, бросая желтые тени на выгоревшие обои.

Я сидела за старой чугунной машиной «Чайка», привычно нажимая ногой на рифленую педаль привода. Колебания маховика отдавались в коленях мелкой дрожью, зубчатая рейка с ритмичным стрекотом продвигала вперед плотную синтетическую саржу. Мой правый указательный палец в двух местах загрубел от постоянного контакта с холодными лезвиями тяжелых раскройных ножниц. Кожа на подушечке напоминала плотную подошву, зато никакая игла не могла пробить ее случайно. На шее у меня змеей висела старая сантиметровая лента с наполовину стертыми делениями, а на правом запястье плотно сидел широкий резиновый браслет с круглым магнитом, утыканный десятками тонких стальных булавок.

Я заканчивала подшивку форменных брюк для охранника круглосуточного гастронома с Пятницкой улицы. Работа была тупой, механической и дешевой, всего четыреста рублей за

прямую строчку с клеевой тесьмой, но именно эти четыреста рублей кормили нас в последние три месяца.

Рита сидела напротив на разошедшейся табуретке, обхватив горячую кружку зябнувшими пальцами. Ее светлые волосы были собраны в небрежный пучок пластмассовым крабом, а круглые серые глаза смотрели на меня с такой вселенской скорбью, будто мы обе уже стояли на паперти с протянутой рукой. Перед ней на краю гладильной доски белел свернутый вчетверо лист бумаги с размашистой подписью нашей арендодательницы, Веры Семеновны.

— Юлька, она не шутит, — прошептала Рита, тоскливо глядя на колышущийся пар над кружкой. — Я видела ее лицо, когда она спускалась в обед. У нее даже губы побелели от злости. Двести тысяч рублей. Ровно до десяти утра понедельника. Если мы не выложим деньги на стол, в одиннадцать придут слесари из управляющей компании, срежут наши петли, повесят два амбарных замка, а все оборудование опечатают за долги. Нас просто выкинут под этот дождь вместе со всеми рулонами.

— Не срежут, — отозвалась я, не отрывая взгляда от бегущей строчки. Нить послушно ложилась в бороздку ткани, стежок к стежку, ровно три миллиметра на шаг.

— Откуда ты знаешь? Откуда такая уверенность? Ты в кассу сегодня заглядывала? Там даже на оплату электричества не наберется, если посчитать по счетчику за сентябрь!

— Значит, сядем в две смены. Возьмем срочную подгонку свадебных платьев из салона на Ордынке. Перешьем те пять дубленок, которые висят на вешалке у стены. В субботу и воскресенье город гуляет, у людей вечно отлетают пуговицы, трещат молнии на джинсах и рвутся подолы. Мы этот подвал с нуля своими руками поднимали, Рита. Штукатурили стены, тащили чугунные станины по ступенькам, собирали раскройный стол из фанерных щитов. Я не позволю выставить нас вон из-за капризов полоумной старухи.

Я подняла рычаг лапки, вытянула ткань и коротким движением маленьких кусачек перерезала хвостик суровой хлопковой нити. Затем бросила готовые брюки на край стола. Мой взгляд упал на нижнюю полку под стеллажом, где под куском технической пленки лежал спрятанный рулон плотной темно-серой шерсти цвета грозового неба. Настоящее камвольное сукно двойной крутки, купленное на последние накопленные за лето сбережения. Я берегла его для себя, для собственного пальто сложного деконструктивного кроя со смещенным лацканом и скульптурной спинкой. Это была моя мечта, моя будущая марка одежды, мой личный манифест против безликого штампованного тряпья, которым были завалены витрины торговых центров.

— Нам не хватит двух дней, Юля, — вздохнула Рита, опуская кружку на фанеру. — Даже если мы будем работать без сна и пришьем тысячу пуговиц, мы наберем от силы тысяч сорок. А нужно двести. Чистыми. До утра понедельника.

Она не успела договорить.

С улицы раздался глухой, яростный удар. Железная входная дверь содрогнулась так, будто в нее с размаху врезался товарный вагон. Хлипкая щеколда с визгом выскочила из гнезда, створка с грохотом распахнулась настежь, ударившись о бетонную стену тамбура, и в подвал ворвался вихрь ледяного осеннего сквозняка вперемешку с водяной пылью.

Рита взвизгнула и отодвинулась на табуретке к гладильной доске.

В проеме показалась высокая мужская фигура. Человек спускался по ступеням стремительно, едва не поскользываясь на мокром бетоне, шумно дыша и сотрясая низкий дверной косяк широкими плечами. С его черного кашемирового пальто, распахнутого настежь, ручьями стекала дождевая вода. Темные короткие волосы промокли до нитки и прядями липли к высокому лбу. На левой скуле алела свежая длинная ссадина, а в темных глазах горело такое концентрированное бешенство, что даже воздух вокруг него, казалось, начал потрескивать от статического напряжения.

Вместе с ним в нашу убогую мастерскую хлынул незнакомый, совершенно чужой запах. Я вскинула голову от знакомого рабочего стола. От гостя пахло горьким дымным кедром, растер-

той хвоей можжевельника, дорогим трубочным табаком и очень холодным, безумно дорогим селективным парфюмом, который мгновенно вытеснил наш привычный дух уютного пара и мяты.

Под распахнутым пальто на незнакомце виднелся вечерний смокинг глубокого полуночно-синего оттенка из тончайшей итальянской шерсти. Шелковые лацканы матово поблескивали под тусклым светом нашей подвесной лампы. Но стоило мне скользнуть взглядом чуть правее, как губы сами собой сжались в презрительную складку.

Правый рукав смокинга был практически уничтожен. Он висел на честном слове, оторванный по всей окружности проймы от самой ключицы до подмышечной впадины. Наружу ключьями торчала серая синтетическая бортовка, рваные полосы шелковой подкладки и пучки распустившихся синтетических нитей. Судя по разорванной пройме и следу ссадины на лице, наш визитер только что пережил весьма бурное физическое столкновение где-то в окрестных переулках.

Парень остановился посреди нашего подвала, тяжело переводя дух. Он безгласно оглядел облупленные углы, покрытые известковым налетом, скрипучие стеллажи с дешевым ситцем, потемневший линолеум на полу и замер перед моим раскройным столом.

На вид ему было лет двадцать семь. Породистое, резкое лицо столичного сноба, привыкшего отдавать распоряжения и никогда не слышать отказов. Прямой нос, упрямый подбородок, идеальная линия скул и тот особый тип холеной мужской уверенности, который вырабатывается исключительно при наличии безлимитных золотых карт и личного водителя у парадного входа.

— Кто здесь главный? — бросил он хриплым, сорванным от крика голосом, даже не подумав поздороваться.

Рита от страха онемела и только указала дрожащим пальцем в мою сторону.

Парень перевел темный взгляд на меня. Он окинул меня быстрым, оценивающим и абсолютно пренебрежительным взглядом с головы до пят, задержавшись на моем простом сером парусиновом фартуке с карманами для ножниц и на заколотых на затылке деревянной шпилькой темных волосах.

— Ты шьешь? — спросил он так, будто обращался к неисправному торговому автомату.

— Я закройщица и мастер по ремонту одежды. — Я расправила оставшуюся после брюк тесьму: пусть подождет, пока я освобожу стол. — А вы, судя по всему, перепутали вход. Пожарная часть находится за углом, травмпункт на соседней улице.

Его брови дернулись вверх от искреннего изумления. Похоже, сама мысль о том, что существо в рабочем фартуке способно отвечать с иронией, показалась ему дикостью.

Он не стал тратить время на препирательства. Он нервно дернул левой рукой, заглядывая под мокрый манжет сорочки. На его запястье тускло блеснул массивный корпус платиновых часов с черным циферблатом.

— У меня нет времени на остроумие обслуги, — отчеканил он, понизив голос до опасного шипения. — Через тридцать минут на Красном Октябре начинается закрытый вечер и аукцион модного дома. Там собирается весь совет директоров и мой отец. Если я появлюсь на лестнице в таком виде, завтра утром все городские таблоиды будут смаковать мою драку с пьяным водителем на парковке.

Он полез во внутренний карман своего мокрого пальто. Пальцы его метнулись наружу, сжимая увесистую пачку пятидесяти тысяч купюр в банковской бумажной ленте. Толстая, тугая пачка новеньких хрустящих денег.

Размахнувшись, он с глухим мокрым шлепком швырнул эту пачку прямо на середину моего раскройного стола, точно на чистый рулон белой хлопковой бязи. Несколько капель грязной воды с его рукава брызнули на гладкую ткань.

— Сделай красиво за десять минут, детка, — приказал он, глядя на меня сверху вниз с невыносимой барской снисходительностью. — Зашей этот чертов рукав так, чтобы ни одна собака с расстояния полуметра ничего не заметила. Сдачи не надо. Здесь хватит на то, чтобы купить этот твой сырой сарай вместе со всеми катушками. Шевелись.

В воздухе повисла звенящая, абсолютно мертвая тишина.

Рита на своей табуретке судорожно вздохнула и широко раскрыла глаза. В ее взгляде читалось изумление, переходящее в благоговейный экстаз. Она видела перед собой круглую сумму, которая могла в одно мгновение перечеркнуть бумагу Веры Семеновны, закрыть долг за аренду и навсегда избавить нас от страха перед слесарями. Она уже подалась вперед всем телом, готовая схватить эти купюры, упасть на колени и лично зубами пришить этот треклятый рукав к его высокомерному плечу.

Я встала. Рита, уже потянувшаяся к деньгам, остановила руку.

Внутри меня, где-то под солнечным сплетением, медленно закипала ледяная, прозрачная ярость. Та самая ярость, которая поднимается в мастере, когда на его ремесло, на его рабочий стол и на его достоинство пытаются наплевать за пачку резаной бумаги.

Я медленно опустила руку на стол. Мои пальцы сомкнулись на рукоятке тяжелых немецких закройных ножниц из вороненой стали. Металл привычно холодил ладонь. Я подняла ножницы и с сухим, резким, оглушительным звоном опустила их лезвия на край стола прямо перед его носом. Звук удара стали о дерево прозвучал в сыром помещении как выстрел.

Парень от неожиданности отшатнулся на полшага.

Затем я медленно, двумя пальцами, за самый уголок подняла мокрую пачку денег с рулона бязи. Посмотрела на нее с таким отвращением, словно это быладохлая крыса, выловленная из водосточной канавы. Сделала шаг вперед, сокращая разделявшее нас расстояние, и с силой, звучным хлопком ладони затолкнула пачку обратно во внутренний карман его мокрого пальто, аккуратно разгладив мокрый кашемировый лацкан тыльной стороной руки.

Парень замер. Его челюсть слегка отвисла, зрачки расширились, а на щеках мгновенно проступили яркие багровые пятна.

— Во-первых, детка сидит в твоём лимузине и красит губы в тон твоей кредитки, — произнесла я негромко, чеканя каждое слово с отчетливостью швейной иглы, входящей в плотный брезент. — Во-вторых, в этом подвале работают мастера, а не уличная обслуга по вызову. И мы не подбираем подачки, брошенные на рабочий стол мокрыми руками.

Глава 2

— Ты в своем уме? — выдохнул он, едва сдерживая ярость. Его пальцы судорожно сжались в кулаки. — Ты хоть понимаешь, сколько там было? Ты могла бы полгода не брать этих копеечных заказов!

— Мне плевать, сколько там было. Если ты привык покупать людей оптом и в розницу, возвращайся в свои бутики на Кутузовском проспекте. Только боюсь, по пятничным пробкам сквозь этот ливень ты доедешь туда аккуратно к полуночи, когда твой аукцион закончится, а папенька лишит тебя права подписи за позорный внешний вид.

Он снова судорожно взглянул на часы. Стрелка неумолимо отсчитывала драгоценные минуты. На его виске вздулась синяя жилка. Он понимал каждое мое слово. Московские пробки в вечер пятницы под проливным дождем стояли намертво от Садового кольца до набережных. Ехать куда-либо на машине было бессмысленно, пешком до Красного Октября через мост оставалось минут двадцать быстрым шагом. Он обернулся к двери, снова посмотрел на часы и остался у стола.

Я скрестила руки на груди и слегка склонила голову к плечу.

— Правила в этом сарае диктую я. — Я указала на примерочную, и он проследил за моим пальцем. — Если тебе нужно спасти костюм, ты снимешь свое мокрое пальто и повесишь его на плечики у входа, чтобы с него не текло на мой пол. Затем ты закроешь рот, пройдешь за вон ту штору и встанешь на деревянную подставку. Будешь стоять ровно, дышать через раз и не издавать лишних звуков, пока я буду приводить твоё тряпье в человеческий вид. Если тебя что-то не устраивает, железная дверь открыта. Проваливай под дождь.

Несколько долгих секунд он буравил меня бешеным взглядом. Казалось, он сейчас просто разнесет мастерскую на куски, опрокинет стеллаж с тканями и вылетит на улицу. Воздух между нами был натянут, как струна на максимальном натяжителе оверлока.

Но цейтнот оказался сильнее его спеси.

Скрипнув зубами так, что звук разнесся по всему подвалу, столичный мажор медленно потянул пальцы к пуговицам своего промокшего пальто.

Сброшенное пальто плюхнулось на металлический крючок у двери с тяжелым влажным звуком. Оставшись в одном смокинге, незнакомец казался еще шире в плечах, но разорванная пройма предательски обнажала безупречно белую сорочку из тончайшего египетского хлопка. Сквозь полупрозрачную ткань проступали рельефные очертания ключицы и напряженные мышцы груди.

— Куда вставать? — процедил он сквозь плотно сжатые зубы.

Я молча указала кончиком ножниц на дальний угол мастерской.

Там, за выцветшей сатиновой шторой в широкую сине-серую полосу, располагалась наша единственная примерочная. Пространство метр на метр, отгороженное от остального зала фанерной перегородкой. Внутри стояло высокое, покрытое темными пятнами времени зеркало в простой сосновой раме и круглый деревянный помост, выкрашенный белой эмалью, потрескавшейся по краям от бесконечных примерок.

Парень с брезгливой миной отодвинул штору и шагнул внутрь. Деревянный помост под весом его тяжелых модельных туфель из мягкой телячьей кожи протестующе и громко скрипнул. Кабинка оказалась слишком тесной для его роста и размаха плеч. Пытаясь развернуться к зеркалу, он задел локтем проволочные плечики, висевшие на боковом крючке. Плечики с оглушительным жестяным звоном посыпались на пол.

— Черт побери, — прорычал он, прижимая локоть к телу. — Здесь даже повернуться нельзя без риска сломать себе ребра. Это примерочная или камера пыток?

— Это примерочная для людей стандартных габаритов, — отозвалась я, распахивая штору и без малейших колебаний шагая прямо в тесное пространство кабинки. — Если вы привыкли к гардеробным размером с трехкомнатную квартиру, могу предложить примерить вещь на улице под водостоком. Там просторно.

Я задернула штору за своей спиной.

Плотная ткань мгновенно отрезала нас от Риты и тусклого света мастерской. Мы оказались заперты в тесной полутьме, освещенной лишь одной слабой энергосберегающей лампочкой под потолком. Расстояние между нами сократилось до пары десятков сантиметров. В замкнутом воздухе кабинки запахи перемешались окончательно. Теплый, смолистый аромат его кедрового парфюма с нотами холодного дождя обрушился на меня сокрушительной волной, на мгновение выбив воздух из легких. От него исходило мощное, яростное физическое тепло взвинченного до предела мужчины.

Я едва доставала макушкой до его подбородка. Чтобы осмотреть плечо, мне пришлось поднять голову и сделать шаг вплотную к деревянному помосту.

Он стоял на возвышении, глядя на меня сверху вниз. В полумраке его темные глаза казались почти черными, зрачки расширились, а тонкие губы кривились в саркастической усмешке. Он явно пытался вернуть себе привычную маску светского циника, чтобы скрыть вспыхнувшую неловкость от столь близкого телесного присутствия чужой девушки.

— Надеюсь, твои инструменты хотя бы иногда моют, — произнес он, нарочито лениво растягивая гласные прямо мне в лицо. Его теплое дыхание коснулось прядей у моего виска. — Не хотелось бы подхватить заражение крови в этом клоповнике прямо перед выходом на сцену. Мои адвокаты потом не оставят от твоего заведения даже щепок.

Я даже не моргнула. Мои руки работали сами по себе, повинувшись годами выработанному профессиональному автоматизму.

— Чтобы получить заражение крови, надо иметь в жилах хотя бы каплю настоящей крови. — Я подхватила оторванный край сукна у самого его плечевого шва; он осекся и следил

за моими пальцами. — А у таких персонажей вместо крови обычно течет концентрированный пафос и шампанское за чужой счет. Подними руку в сторону. Не эту, правую. И замри.

Я сняла с магнитного браслета на запястье длинную тонкую булавку с круглой жемчужной головкой. Металл блеснул в полутьме. Мне нужно было мгновенно зафиксировать правильную посадку оката рукава по пройме, чтобы совместить балансировочные точки ткани. Шерсть натянулась по его мускулистому плечу.

В этот момент парень сделал резкое, нетерпеливое движение корпусом, пытаясь перехватить мою ладонь за тонкое запястье — видимо, решил продемонстрировать силу или потропить процесс.

— Сделай это быстро и...

Он не договорил.

От его внезапного рывка острое стальной булавки, которое я как раз направляла в ткань проймы, скользнуло сквозь тонкий хлопок сорочки и чувствительно, глубоко укололо его прямо под правое ребро.

— Ай! — взвыл он от неожиданности, дернувшись назад всем телом.

Его модельная туфля соскользнула с края круглого помоста, доски взвизгнули, он инстинктивно взмахнул правой рукой, пытаясь удержать равновесие, и с размаху налетел раскрытой ладонью на вторую выставленную булавку на моем запястье.

Раздался короткий сухой щелчок проколотой кожи.

Мажор замер, ошарашенно глядя на свою руку. На подушечке его холеного, длинного указательного пальца мгновенно выступила крупная, идеально круглая рубиновая капля густой крови. Она набухала прямо на глазах, готовая сорваться на белоснежный манжет сорочки.

В кабинке воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь его прерывистым дыханием.

Лицо парня пошло пятнами. Он смотрел на эту каплю крови с таким потрясением, словно никогда в жизни не подозревал, что внутри его брендового тела вообще содержится жидкость красного цвета. Его уши вспыхнули пунцовым пламенем, на шее проступил густой, обжигающий румянец унижения. Он стоял передо мной, прижимая локоть к уколотому ребру, с кровоточащим пальцем, в разорванном пиджаке, зажатый между пыльным зеркалом и полосатой шторой.

Весь его столичный лоск, вся надменность и высокомерие разлетелись в пыль за какую-то долю секунды.

Я не позволила себе даже тени улыбки, хотя внутри меня все пело от ехидного торжества. Вместо насмешки я с невозмутимым видом сунула руку в глубокий карман фартука, достала полоску бактерицидного пластыря на тканевой основе, зубами сорвала защитную бумажку и без лишних церемоний припечатала пластырь прямо на его кровоточащий палец, сильно прижав подушечку.

— Я предупреждала. — Я прижала края пластыря. Он дернул пальцем, но руку оставил у меня. — Стой смирно. Это мастерская, здесь работают с острым металлом, а не с зефиром. Теперь снимай этот шедевр. Мне нужно препарировать твою тряпку на столе.

Он не проронил ни звука. Молча, сцепив челюсти до скрипа эмали, он стянул смокинг с плеч и буквально сунул его мне в руки. На его скулах ходили желваки, пальцы на здоровой руке мелко подрагивали.

Я распахнула штору и вышла к рабочему столу, где горела мощная бестеневая лампа дневного света.

— Рита, включи утюг на двойку и проверь уровень дистиллированной воды в бойлере, — скомандовала я, бросая смокинг на фанеру под свет лампы.

Рита бросилась выполнять поручение, с благоговейным ужасом поглядывая на замершего в дверях примерочной полуголого мажора.

Я вывернула поврежденный рукав и лацкан наизнанку. Под ярким белым светом лампы открылась вся подноготная элитного изделия. В боковой шов подкладки был вшит золотистый шелковый ярлык с витиеватым логотипом знаменитого модного дома из Милана.

Я взяла с магнита распарыватель с красным защитным шариком и повернулась к парню. Тот медленно вышел из кабинки, прижимая заклеенный пластырем палец к бедру, и встал у края стола с мрачным видом приговоренного к публичной казни.

— Подойди ближе, специалист по тяжелому люксу, — позвала я, указывая лезвием инструмента на обнажившиеся внутренности смокинга. — Полюбуйся на свое сокровище.

— Это вещь первой линии, сшитая по индивидуальным меркам, — процедил он, пытаясь защитить честь своего гардероба. — Ее стоимость превышает годовой бюджет твоего подвала.

Глава 3

— Ее стоимость сформирована жадностью маркетологов и наивностью богатых болванов, которые платят за вышитое имя на этикетке, — хладнокровно отрезала я. — Смотри сюда. Видишь эту серую рыхлую дрянь, которая полезла из проймы?

Я подцепила распаривателем край прокладочного слоя. Материал легко отошел от шерсти, обнажая липкие следы застывшего клея.

— В приличном мужском костюме такого класса обязана стоять бортовка из натурального конского волоса, простеганная вручную шелковым стежком. Она дышит, держит форму годами и пластично повторяет движения тела. А твои великие миланские портные вклеили сюда копеечный синтетический флизелин на термопаутинке. Вот он, вздулся от первой же капли пота и влажного воздуха. А теперь посмотри на долевую нить.

Я положила палец на срез сукна у плечевого шва.

— Долевая завалена на полтора сантиметра в сторону спинки. Они кроили рукав в спешке, экономя остаток дорогого отреза. Ткань натянулась по косой. Твой рукав был обречен лопнуть при первом же резком движении. Ты мог просто чихнуть или потянуться за бокалом на банкете, и шов разошелся бы с тем же успехом. Так что не вини того водителя, скажи ему спасибо, что это произошло в переулке, а не под объективами фотографов на ковровой дорожке.

Парень молчал.

Его темный взгляд был прикован к моим рукам. На его лице отражалась ожесточенная внутренняя борьба. Как человек, вращающийся в индустрии моды, он мгновенно понял правоту каждого моего слова. Вся его напускная спесь рассыпалась перед сухой, неопровержимой логикой конструкции и физики материалов. Мой профессиональный диагноз попал точно в яблочко.

— Хватит лекций, — глухо произнес он, опуская глаза на столешницу. — Ты можешь это исправить? До выхода осталось двадцать минут.

— Для криворуких дизайнеров это трагедия, — сказала я, беря со стойки катушку крученого черного натурального шелка номер шестьдесят пять. — Для нормального закройщика — четыре минуты работы. Смотри и учись, пока я добрая.

Я разложила смокинг перед собой и подвинула лампу. Поврежденную пройму пришлось собирать вручную: машинная строчка стянула бы этот участок.

Я вдела шелковую нить в тонкую граненую иглу с коротким ушком. Мои пальцы, еще секунду назад казавшиеся грубыми из-за мозолей, преобразились. Движения стали плавными, стремительными и пугающе точными.

Я уложила разорванные края проймы внахлест на полтора миллиметра, аккуратно заправляя распутившиеся волокна подкладки внутрь. Игла заплясала в воздухе с едва уловимой глазом скоростью. Вход, выход, подхват двух микроскопических нитей сукна с лицевой стороны, перехват нити изнутри, скользящий потайной стежок. Я прятала закрепки под припуск, разглаживая ткань после каждого участка. Я заново собрала плечевой узел, перераспределив натяжение шерсти так, как это должно было быть сделано на фабрике изначально.

Рита зачарованно смотрела на мои руки, затаив дыхание. Парень не сводил с меня глаз. Я чувствовала его тяжелый, пристальный взгляд каждой клеточкой кожи. Он наклонился ближе и придержал съезжавший со стола рукав. Я позволила ему помочь — впервые за весь вечер.

— Четыре минуты, — тихо выдохнула Рита, бросив взгляд на круглые настенные часы над дверью.

Я сделала последний закрепляющий стежок, перехватила шелковую нить и с сухим щелчком перекусила ее зубами у самого основания ткани. Затем подхватила смокинг, перенесла его на гладильную доску и нажала на рычаг подачи пара на промышленном утюге.

Раздался мощный, шипящий гул.

Плотное, обжигающе горячее белое облако пара вырвалось из подошвы утюга, мгновенно окутав доску и скрыв мои руки. Запахло чистой, свежееотглаженной дорогой шерстью. Я прошла тяжелой чугунной подошвой по пройме через сухой льняной проутюжильник, осаживая шов и фиксируя волокна в идеальном анатомическом положении.

Затем резко подняла смокинг за плечики, встряхнула его в воздухе и небрежным, коротким взмахом бросила прямо в грудь стоявшему у стола парню.

— Забирай свой шедевр.

Он поймал смокинг на лету. Медленно, словно боясь обнаружить обман, поднес плечо к глазам под прямой луч бестеневой лампы.

Шов исчез.

На месте зияющей дыры и рваных лохмотьев лежала безупречно гладкая, благородная ткань глубокого полуночно-синего цвета. Ни морщины, ни залома, ни единого видимого следа починки. Посадка рукава стала даже чище и естественнее, чем на левом, неповрежденном плече.

Парень медленно продел руки в рукава. Ткань легла на его плечи как влитая, идеально обрисовав силуэт. Он повел плечом, вытянул руку вперед, согнул в локте — рукав двигался свободно, без малейшего натяжения или сопротивления.

Он поднял на меня глаза.

В глубине его темного взгляда на долю секунды вспыхнуло чистое, искреннее восхищение. Он смотрел на меня так, словно перед ним только что произошло воскрешение из мертвых. Но в следующее мгновение его лицо снова ожесточилось. Осознание того, что его спасла девчонка в старом парусиновом фартуке из сырого подвала, на глазах у нелепой испуганной помощницы, окончательно добило его гордость.

Не произнеся ни единого слова, он сорвал с крючка свое мокрое пальто, стиснул зубы так, что желваки вздулись буграми, повернулся на каблуках и бросился вверх по бетонным ступеням.

Железная дверь с оглушительным грохотом захлопнулась за ним. В тамбуре жалобно звякнул колокольчик. На линолеуме остались только грязные мокрые следы и тяжелый, терпкий шлейф кедра и табака.

— Даже спасибо не сказал, урод лощеный, — пробормотала я, вытирая влажные от пара ладони о фартук.

Затем я подошла к двери, чтобы накинуть щеколду от осеннего сквозняка, толкнула тяжелую створку и поднялась на пару ступеней вверх, выглядывая на улицу.

Дождь продолжал хлестать по асфальту. В конце узкого переулка, прямо под мигающим желтым фонарем, стоял низкий хищный автомобиль темно-зеленого цвета с вытянутым стремительным капотом и хромированными спицованными дисками. У приоткрытой пассажирской двери под большим черным зонтом стоял высокий мужчина в бежевом пальто нараспашку с тлеющей сигаретой в зубах.

Я увидела, как выскочивший из нашего подвала парень на бегу застегивает пуговицы спасенного смокинга, прижимая к груди пальто. Мужчина под зонтом встретил его громким, издевательским хохотом, что-то крикнул ему прямо в лицо и хлопнул по плечу. Парень грубо отпихнул его руку, нырнул на переднее сиденье темно-зеленой машины и с грохотом захлопнул дверь.

Спорткар с низким бархатистым ревом сорвался с места, взрезая колесами глубокие лужи, и растворился в темноте в сторону набережной Москвы-реки.

Подвал снова погрузился в привычную вязкую тишину. Только вода мерно булькала в водосточной трубе за фанерной перегородкой, да старый холодильник в углу подсобки время от времени начинал дребезжать своим расшатанным компрессором.

Рита медленно опустилась на табуретку, обхватив голову руками. Вся ее недавняя эйфория от вида пачки денег испарилась без следа. Реальность вернулась в мастерскую с неотвратимостью осенних заморозков.

— Юлька, — позвала она осипшим, прерывающимся шепотом. — Зачем ты так? Зачем ты вернула ему деньги? Он же бросил их на стол. Он сам сказал — сдачи не надо! Мы могли бы сейчас закрыть эту проклятую аренду, выпить чаю и спокойно поехать домой спать.

Я подошла к раскройному столу, сняла с запястья магнитный браслет и аккуратно положила его рядом с ножницами. Мои пальцы все еще мелко дрожали от пережитого напряжения.

— Мы не берем подачки от хамов, Рита. Если бы я взяла те деньги, мы превратились бы в его личных крепостных. Он вытер бы об нас ноги, а в следующий раз пришел бы сюда с ногами на столе. Я зарабатываю своим ремеслом, а не жалостью заезжих мажоров.

— Твое ремесло не остановит слесарей в понедельник утром! — Рита вскочила, сжимая кулаки. По ее бледным щекам покатились крупные, злые слезы. — Ты гордая, Юлька, ты у нас несгибаемая! А что делать мне? У меня мама в Твери на пенсии, мне за комнату в Кузьминках платить через неделю! Куда мы пойдем, когда Веруня заколотит эту дверь фанерой?

Она всхлипнула, подошла к дальнему шкафу и с глухим стуком выставила на середину стола круглую жестяную коробку из-под датского печенья с выцветшим рисунком парусника на крышке. Наш официальный сейф, наша касса и наша похоронная команда в одном лице.

Рита сорвала жестяную крышку и вывалила содержимое прямо на чистый отрез ткани.

По столу с сиротливым перезвоном покатились медные и латунные монеты, следом шлепнулась тощая стопка мятых сторублевых и пятисотенных бумажек, перемотанных аптечной резинкой. Рита начала лихорадочно пересчитывать деньги, раскладывая их по кучкам дрожащими, покрасневшими пальцами.

— Сто, двести, пятьсот, тысяча... две... пять тысяч четыреста...

Она пересчитала трижды, сбиваясь, всхлипывая и начиная заново. Итоговая цифра повисла в сыром воздухе тяжелым погребальным звоном.

Двадцать две тысячи четыреста пятьдесят рублей.

Все, что у нас оставалось после оплаты сентябрьского счета за отопление и покупку двух катушек армированных ниток. А нужно было двести тысяч. Ровно к десяти часам утра понедельника.

Рита уронила руки на стол, уткнулась лицом в рукав своей фланелевой рубашки и тихо, безнадежно зарыдала.

Я подошла к ней сзади, положила ладони на ее вздрагивающие худые плечи и крепко сжала.

— Хватит сырость разводить. У нас есть суббота и воскресенье. Я позвоню Ларисе из свадебного салона, возьму все сложные подгонки корсетов. Перешью те три кожаные куртки, которые отдавали с дефектом проймы. Если понадобится, я не лягу спать до утра понедельника. Никто этот подвал не закроет, слышишь меня? Никто.

Я подошла к стеллажу, присела на корточки и провела ладонью по спрятанному рулону темно-серой грозовой шерсти. Ткань отозвалась под пальцами плотной, благородной упругостью. Я знала каждый изгиб ее переплетения, знала, какую скульптурную форму она может принять под горячим паром. Это была моя мечта, моя жизнь, и я готова была зубами держаться за этот подвал, лишь бы не выпустить ее из рук.

Тогда я еще не знала, какую цену назначили нашему подвалу в ту самую ночь на другом берегу реки.

Глава 4

Тогда, сидя в сыром полумраке над коробкой из-под печенья, я не слышала оглушительного рева клубных басов на Болотном острове. Не видела, как в закрытом элитном клубе «Кристалл» на Красном Октябре стеклянные перегородки лофта вздрагивали от тяжелой электронной музыки, а сотни холеных людей в вечерних нарядах потягивали ледяное шампанское под вспышками золотых стробоскопов.

Три недели спустя в гримерке Гостиного Двора я услышу запись этого разговора. Остальное Ян расскажет уже потом, когда научится отвечать на мои вопросы, даже самые неприятные. Из этих слов и сложится для меня та ночь.

Ян

Ян появился на аукционе за пять минут до начала официальной части.

Спасенный полуночно-синий смокинг сидел на нем как вторая кожа, подчеркивая безупречную осанку и разворот плеч. Ни единая душа в огромном зале, набитом столичным бомондом, арт-критиками и байерами, даже не заподозрила недавней катастрофы на плечевом шве. Строгий седовласый Аркадий Северский, основатель модного холдинга и жесткий патриарх семейного бизнеса, проходя мимо сына, лишь скупно кивнул ему в знак одобрения — внешний вид наследника полностью соответствовал высокому статусу фамильного бренда.

Однако настоящий триумф длился ровно до того момента, пока Ян не подошел к уединенному краю барной стойки и не заказал у бармена двойной порционный бурбон со льдом.

Стоило ему поднести тяжелый граненый стакан к губам, как за его спиной бесшумно выросла фигура в расстегнутом бежевом пальто.

Это был Леон Валеvский — наследник строительной корпорации, завсегдатай закрытых аукционов, циничный плейбой и давний непримиримый соперник Яна по светской жизни. Человек с холодными рыбьими глазами и вечной ядовитой усмешкой на тонких холеных губах.

Леон вальяжно облокотился на мраморную стойку, поигрывая высоким хрустальным бокалом с сухим шампанским, и негромко, так, чтобы слышали только они двое, произнес —

— Потрясающий вечер, Северский. Изумительная публика, прекрасные речи о высоком искусстве. Но больше всего меня восхищает твой правый рукав. Признаться, я стоял под дождем у того облупленного крыльца на Новокузнецкой и наслаждался каждым мгновением. Особенно тем, как ты вылетел из подвала с горящими ушами, поджав хвост, а местная замухрышка в застиранном фартуке швырнула твои бабки обратно тебе в зубы.

Ян замер. Его пальцы судорожно стиснули стекло стакана. На заклеенном пластырем указательном пальце отчетливо пульсировала свежая рана от моей булавки.

— Ты бредишь, Валевский, — холодно бросил Ян, делая глоток обжигающего алкоголя. — Девчонка просто выполнила срочный заказ за пять минут. Обычный подвальный сервис.

Леон негромко и издевательски рассмеялся, привлекая любопытные взгляды стоявших неподалеку светских львиц.

— Сервис? Не смейся меня, Ян! Я видел твоё лицо, когда ты вылетел на улицу. Великий креативный директор, икона стиля, покоритель столичных подиумов, перед которым модели из журналов штабелями падают, был публично растерт в порошок нищей швеей с мозолями на пальцах! Она ткнула тебя носом в твой дешевый флизелин, заставила стоять на цыпочках за тряпкой и выставила за дверь как нашкодившего щенка. Ты теряешь хватку, Северский. Твой лоск годится только для оплаченных интервью. Против настоящей дворовой девки ты — просто надутый картонный манекен.

Каждое слово Валевского било прямо по кровоточащему самолюбию Яна.

Алкоголь, помноженный на унижение в тесной примерочной и жгучий стыд перед собственным бессилием, мгновенно взорвал внутри него пороховую бочку. Ян с глухим звоном опустил стакан на мрамор. В его глазах вспыхнул опасный, слепой азарт.

— Прикуси язык, Леон. Я любую женщину в этой стране могу поставить на колени за две недели. Любую.

Леон прищурился, и в его холодных глазах зажегся огонек хищного торжества.

— Любую? Даже ту колючую подвальную волчицу с ножницами, которая только что прилюдно вытерла об тебя свои ноги? Докажи, Северский. Докажи на деле, а не языком за барной стойкой.

Леон сунул руку в карман своего дизайнерского пальто и с тяжелым металлическим стуком выложил на черный мрамор стойки массивный брелок из темного серебра с золотыми распахнутыми крыльями.

Ключи от легендарного темно-зеленого спорткара Астон Мартин ДБ5 выпуска шестидесятих годов.

Того самого раритетного автомобиля в идеальном коллекционном состоянии, за которым Ян безуспешно охотился на трех закрытых европейских аукционах, но Леон каждый раз перебивал цену на полмиллиона долларов исключительно из спортивной вредности.

— Условия простые, Ян, — негромко, с ядовитой отчетливостью произнес Валевский, глядя на побледневшего соперника. — Ты вытаскиваешь эту подвальную оборванку на свет. Делаеть ее своей официальной фавориткой и главной сенсацией своего модного направления. Таскаешь по закрытым раутам, заставляешь ее влюбиться в тебя без памяти, чтобы она смотрела на тебя снизу вверх с собачьей преданностью. А в финале, на главном гала-показе Недели моды перед десятками телекамер, прессой и всеми инвесторами твоего отца, ты публично швыряешь ее на глазах у всей Москвы и объявляешь, что она была всего лишь временной игрушкой для пиара. Докажи, что у любой нищенки есть своя цена.

Ян смотрел на блестящий серебряный брелок. Машина его мечты лежала на расстоянии вытянутой руки. Но ставки в такой игре не могли быть односторонними.

— А что ставлю я? — хрипло спросил Ян.

— Если девчонка не клюнет на твою персону или ты сам дашь заднюю, ты продаешь мне свою долю в холдинге по номиналу. С ней я получу и место в совете, и возможность блокировать решения твоего отца. По рукам?

К стойке подошли двое молодых продюсеров из свиты Валевского, жадно прислушиваясь к спору. Отступить на глазах у свидетелей для Яна означало расписаться в собственной полной профессиональной и мужской несостоятельности.

Ян рассмеялся и заговорил громче, для свидетелей.

— Да брось ты, Леон! О чем тут спорить? Эта оборванка из сырого подвала у метро расстает через две недели, стоит мне помахать перед ее носом пачкой купюр и позвать в нормальный ресторан! Спорим на твой зеленый Астон Мартин против моего голоса в совете? Спорим! Я сделаю эту замухрышку с вечными мозолями своей ручной карманной музой, научу мыть голову дорогим шампунем, протащу через все светские хроники, заставлю ползать за мной на коленях от собачьей преданности... А в финале, прямо на Неделе моды в Гостином Дворе перед всеми камерами и прессой, швырну ее обратно в канаву со словами, что она годилась только латать дыры на моих штанах!

Ян протянул руку и намертво сжал холодную ладонь Леона.

— По рукам, Валевский. Готовь документы на машину. К финальному показу эта швея будет ходить за мной на задних лапках.

Свидетели громко заржали и чокнулись бокалами.

Леон подвинул брелок Яну.

— Запасной комплект. Подержи пока, помечтай. Основные ключи и документы получишь после финала.

Ян убрал брелок в карман. Пари было запечатано.

Юля

А в это самое время в сыром подвале на Новокузнецкой я сидела на краю раскройного стола, гладила ладонью рулон темно-серой грозовой шерсти и наивно верила, что самое страшное, что может случиться в моей жизни, — это визит слесарей с амбарным замком в понедельник утром.

Ночь прошла в тяжелом, прерывистом полусне на узком скрипучем диванчике в подсобке.

Утро субботы встретило Москву прозрачным, пронзительно холодным воздухом. Дождь наконец прекратился, оставив на асфальте глубокие черные лужи, в которых отражалось бледное осеннее небо.

Ровно в девять тридцать утра к облупленному крыльцу ателье «Стежок» бесшумно подкатил длинный черный представительский седан с глухой тонировкой стекол. Водитель в строгом черном костюме выскочил наружу, распахнул заднюю дверь, и на тротуар вышел Ян Северский.

На нем было безупречно отглаженное темно-синее шерстяное пальто идеального скульптурного кроя, темные солнцезащитные очки скрывали глаза, а под мышкой он зажал массивную папку из черной крокодиловой кожи с золотым тиснением.

Не задерживаясь ни на секунду, мажор толкнул плечом железную дверь и начал быстро спускаться вниз по крутым бетонным ступеням в наш подвал.

Субботнее утро в подвале пахло свежесваренным кофе из старой алюминиевой турки, пылью от рулонов бязи и безнадежностью.

Рита с опухшими от ночных слез глазами складывала в картонную коробку образцы пуговиц и молний, готовясь к описи имущества. Я сидела у высокого узкого окна под самым потолком, через решетку которого на стол падал серый уличный свет, и огрызком простого карандаша набрасывала в тетрадке в клетку линию плечевого пояса для своего будущего жакета.

Мои пальцы замерзли, грифель крошился, но я упрямо чертила острый угол лацкана, пытаюсь заглушить липкий страх перед понедельником.

Колокольчик над входной дверью зазвенел с такой наглой, хозяйской бодростью, что Рита от неожиданности выронила коробку. Картонные планшеты с кнопками и крючками с сухим треском рассыпались по линолеуму.

По лестнице спустился вчерашний гость.

Ян Северский выглядел так, словно сошел со страниц глянцевого европейского каталога. Темно-синее пальто из тяжелой валяной шерсти сидело на нем с той математической точностью, которую дает только индивидуальный пошив высшего разряда. Он вытер туфли о коврик, задержавшись под моим взглядом. Над воротником алела вчерашняя ссадина, на правом указательном пальце белел пластырь.

Он небрежным жестом стянул с переносицы темные очки, оглядел наш убогий подвал лучезарной, ослепительно белой улыбкой триумфатора и решительно подошел к моему раскройному столу.

— Доброе утро, мастер Воронцова, — произнес он бархатным, глубоким баритоном, в котором звенела неприкрытая снисходительность барина, явившегося с дарами к голодающим крестьянам. — Надеюсь, за ночь твой колючий нрав немного смягчился. У меня для тебя деловое предложение, которое раз и навсегда избавит это благородное заведение от запаха плесени и страха перед выселением.

С этими словами он с тяжелым глухим стуком опустил на фанерную столешницу толстую папку из черной кожи. На полированной поверхности золотом вспыхнул вензель модного холдинга «Северский».

Я медленно отложила карандаш в сторону и подняла на него тяжелый, немигающий взгляд.

— Вы перепутали дни недели, Северский. Сбор макулатуры у нас по средам.

Он лишь снисходительно усмехнулся моей шпильке, словно взрослый человек забавлялся шалостями неразумного ребенка. Щелкнул полированным позолоченным замочком папки, раскрыл ее и плавным веерным движением выложил передо мной три плотных листа тяжелой гербовой бумаги с водяными знаками. А поверх них, точно по центру первой страницы, небрежно опустил узкий прямоугольник расчетного банковского чека.

Рита на цыпочках подошла к столу, вытянула шею и заглянула в графу суммы.

В следующую секунду из ее груди вырвался такой судорожный, свистящий всхлип, словно ей в спину вогнали портновские ножницы. Она пошатнулась, схватилась обеими руками за край стола и уставилась на бумажку круглыми, безумными глазами.

На чеке стояла аккуратная типографская надпись и круглая цифра с шестью внушительными нулями.

Один миллион рублей авансового платежа.

Глава 5

Этих денег хватало не просто на то, чтобы закрыть двухсоттысячный долг перед Верой Семеновной в понедельник утром. Оставшихся денег хватило бы на аренду на несколько месяцев вперед, на покупку нового японского промышленного оверлока, раскройного дискового ножа и целой партии натурального швейцарского шелка.

Я даже не прикоснулась к чеку. Мои руки остались лежать на коленях под фартуком.

— Излагай суть, — произнесла я ледяным тоном. — И без красивых предисловий. За какие именно услуги наследник модного дома готов выбросить миллион рублей девчонке из подвала?

Ян слегка наклонился вперед, опершись обеими ладонями о край стола. Его лицо оказалось прямо напротив моего. От него снова повеяло тем самым терпким кедром и холодным осенним воздухом.

— Модный дом «Северский» открывает экспериментальное капсульное направление молодежной деконструктивной одежды, — начал он гладко, словно зачитывал заранее отрепетированный пресс-релиз. — Мне в команду требуется личный мастер-конструктор с абсолютным глазомером и нестандартным видением формы. Ты получаешь официальный статус, безлимитный доступ к складским запасам итальянских тканей, новейшее японское оборудование в нашем главном лофте на Красном Октябре и полную свободу в разработке лекал. Это первая часть контракта.

— А вторая? — прищурилась я, чувствуя подвох каждой клеточкой кожи.

— Вторая часть — представительская. Ты становишься моей официальной спутницей и публичной музой бренда на всех закрытых светских раутах, благотворительных коктейлях, пресс-конференциях и показах Недели моды. Ты носишь вещи нашей марки, позируешь перед

светской хроникой и улыбаешься на камеру, создавая вокруг меня образ продюсера, открывшего миру уникальный самородок с улицы.

Я медленно покачала головой, криво усмехнувшись ему прямо в глаза.

— Красивая сказка для дурочек из провинции, Северский. Но я в сказки не верю с четырнадцати лет. В Москве сотни выпускниц текстильной академии и британской высшей школы дизайна с золотыми медалями, богатыми родителями и безупречным портфолио. Они готовы бесплатно ползать за тобой на коленях, подносить кофе и гладить твои носки ради одной строчки в резюме. Зачем тебе понадобилась швея из сырого подвала на Новокузнецкой, которая вчера прилюдно выставила тебя идиотом и уколола булавкой? Где здесь гнильца?

Ян не смутился. Напротив, в его темных глазах зажегся циничный, расчетливый блеск профессионального маркетолога.

— Твои академические отличницы — стерильные куклы, — жестко парировал он. — Они умеют рисовать аккуратные эскизы в дорогих планшетах, но падают в обморок при виде капли крови и не способны отличить на ощупь кашемир от акрила. Рынок задыхается от фальшивого, прилизанного гламура. Байерам, критикам и прессе нужна живая драма. Настоящая, неприрученная уличная искренность. Бунт, злость и мозоли на пальцах. Ты вчера за четыре минуты собрала вслепую разваленный узел сложнейшей вещи и размазала миланских мастеров по стенке. Ты — готовая сенсация. Я продаю прессе историю Золушки со стальными ножницами в зубах. Ты получаешь деньги на спасение своего подвала, сырье и станки для своей мечты. Чистый, циничный, взаимовыгодный пиар. Я продаю историю, ты шьешь коллекцию. Только бизнес.

Его слова звучали на редкость убедительно. Логика столичного хищника от мира моды была прозрачна и понятна. Но именно эта гладкость и настораживала меня сильнее всего.

Я протянула руку, взяла со стопки первый лист договора и начала внимательно читать плотные строки типографского текста.

С каждым прочитанным абзацем мои брови сдвигались все ближе к переносице.

Контракт был составлен первоклассными корпоративными юристами с одной единственной целью — превратить наемного работника в бессловесную собственность холдинга. Пункт три обязывал меня «находиться в постоянной доступности для продюсера двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю». Пункт семь предусматривал «проживание в гостевых апартаментах лофта для обеспечения непрерывного творческого процесса». Пункт двенадцать требовал «безоговорочного соблюдения предписанного регламента поведения на светских мероприятиях, включая демонстрацию личной привязанности к продюсеру».

Я отложила лист.

Затем протянула руку к деревянному стакану с инструментами, достала длинный граненый красный карандаш для разметки ткани и резко повернула договор к себе.

— Раз это чистый бизнес, Северский, то и торговаться мы будем по моим правилам, — отчеканила я.

Красный грифель с яростным, сухим скрипом врезался в плотную бумагу с водяными знаками.

— Пункт три о круглосуточной доступности — вычеркиваем к чертям собачьим. Я работаю строго с девяти утра до шести вечера. За пределами этого времени мой телефон для тебя недоступен, а моя жизнь принадлежит только мне.

Я провела жирную красную черту наискосок через всю страницу. Ян дернул бровью, но промолчал.

— Пункт семь о проживании в твоих апартаментах — вычеркиваем с мясом. Ночевать я буду в своей съемной квартире на Бауманской. Никаких совместных ночевков, никаких отельных номеров после банкетов и никаких дружеских посиделок за бокалом вина в нерабочее время.

Вторая жирная красная полоса перечеркнула следующий абзац.

— А теперь самое главное, продюсер. Пункт двенадцать. Я вписываю сюда свое личное условие. Дистанция на всех твоих приемах и раутах — строго длина вытянутой руки. Никаких лишних прикосновений, никаких поцелуев в щеку для фотографов и никаких сальных намеков. Если ты хотя бы один раз позволишь себе распустить руки или перейти грань делового общения, этот контракт аннулируется в ту же секунду.

Я подняла на него взгляд, держа красный карандаш как скальпель.

— При этом вся сумма аванса до последней копейки остается у меня в качестве штрафа за твое скотское поведение. И ты не получишь обратно ни единого рубля. Ты согласен на такие условия, благодетель?

Ян смотрел на изуродованные красными штрихами страницы своего элитного контракта. В его глазах читалось искреннее, ошеломленное недоумение. Никогда в жизни ни одна женщина не выставляла ему подобных ультиматумов. Он привык, что за возможность оказаться рядом с ним на светском приеме модели вели войну на уничтожение.

Он задержал палец на моем условии, будто прикидывал, как обойти его. Потом подвинул договор обратно ко мне.

На его губах заиграла ленивая, снисходительная усмешка.

— Ты слишком высокого мнения о своей неотразимости, мастер Воронцова, — протянул он, застегивая верхнюю пуговицу пальто. — Я привык к обществу женщин совершенно иного масштаба, чтобы охотиться за швеями в холщовых фартуках. Твои драконовские поправки приняты. Подписывай.

Я не стала медлить. Достала из ящика старую массивную перьевую авторучку с черными чернилами, придвинула к себе оба экземпляра и размашисто, с резким нажимом поставила свою подпись прямо под красными линиями.

Ян достал из внутреннего кармана тяжелую золотую ручку, быстро черкнул свой вензель рядом с моей подписью и с сухим щелчком захлопнул колпачок.

Один экземпляр он убрал в свою крокодиловую папку, второй оставил на столе. Затем двумя пальцами подцепил чек на миллион рублей и подвинул его ко мне.

Я не прикоснулась к бумажке. Повернула голову и позвала —

— Рита.

Рита, все еще пребывавшая в состоянии полуобморочного транса, сделала два неверных шага вперед.

— Забери этот чек, — скомандовала я. — В понедельник ровно в девять утра пойдешь в банк, обналичишь двести тысяч и лично отдашь их Вере Семеновне под расписку. Пусть подавится своей арендой. Остальное положишь на счет мастерской.

Рита прижала чек к груди обеими руками, зажмурилась и судорожно закивала, по ее щекам снова покатались слезы, на этот раз слезы дикого, спасительного облегчения.

Ян наблюдал за этой сценой со сдержанным любопытством. Затем перехватил закрытую папку под мышку и сделал шаг к выходу. На первой ступени бетонной лестницы он остановился, протянул мне раскрытую ладонь для рукопожатия.

— Ну что же, партнер. Поздравляю со сделкой. В понедельник ровно в десять утра мой водитель привезет тебя в наш центральный лофт на Красном Октябре. Приведи себя в порядок, нам предстоит серьезная работа над твоим стилем.

Я медленно подошла к краю стола.

Я не протянула ему руку. Вместо этого я неторопливо взяла со столешницы тяжелые стальные закройные ножницы. Подняла их на уровень его груди и с сухим, резким, оглушительным металлическим щелчком сомкнула лезвия в воздухе ровно в двух сантиметрах от его раскрытой ладони.

Звон закаленной стали повис в воздухе предупреждающим колоколом.

Я посмотрела прямо в его расширившиеся зрачки.

— Запомни раз и навсегда, Северский. Я тебе не партнер. Я наемный мастер, который работает с тканью. И в понедельник в десять утра забудь про поездку в лофт, ты сам приедешь сюда. В этот подвал.

Ян застыл на ступеньке, нахмурившись —

— Что за бред? У нас утвержденный график работы на фабрике!

— У меня на вешалке висит шесть клиентских заказов, — отчеканила я, указывая кончиком ножниц на ряд вещей у стены. — Три дубленки и три свадебных платья с поврежденными корсетами. И раз ты нанял живую бунтарку с настоящим ремеслом для своего пиара, ты начнешь изучать это ремесло с самых низов. В понедельник в десять ты сядешь на табуретку, возьмешь распарыватель и будешь вспарывать бракованные швы. А если попытаешься умничать — будешь держать стальные булавки губами, как я скажу. До понедельника, продюсер. Дверь закрывается с той стороны.

Несколько секунд Ян стоял абсолютно неподвижно, глядя на меня со смесью ярости, изумления и затаенного восторга. Затем в тишине подвала раздался его низкий, хриплый, искренний смех.

— До понедельника, мастер Воронцова, — бросил он, развернулся и взбежал по ступенькам на улицу.

Железная дверь захлопнулась.

Ян

Поднявшись по лестнице, Ян толкнул кованую калитку и вышел в холодный московский переулок. В кармане его пальто глухо завибрировал смартфон.

Ян достал телефон, нажал на экран.

На темном стекле высвечивалось сообщение от Леона Валиевского —

«Ну что, Казанова? Как там подвальная мышка с мозолями? Готовишь место в гараже под мой Астон Мартин ДБ5?»

Ян медленно перевел взгляд на серое осеннее небо, криво усмехнулся разбитой скулой, спрятал телефон в карман и направился к ожидавшему его черному седану.

Обратный отсчет безумного пари на темно-зеленый спорткар официально начался.

Глава 6

Юля

Понедельник в подвальном ателье «Стежок» пах сырым бетоном, дешевым чаем с сушеной мятой и перегретым машинным маслом. Вытяжка над раскройным столом натужно выла на одной низкой ноте. По жестяному подоконнику крошечного приямка под потолком барабанила серая ноябрьская морось. Мутная вода стекала тонкими ручейками по грязному стеклу, искажая силуэты спешащих к метро прохожих.

В подушечке указательного пальца привычно пульсировала старая мозоль. Я сидела за нашей промышленной машиной марки «Джуки», соседкой старой «Чайки», прижимая колено к рычагу подъема лапки. Под острую иглу номер сто десять полз плотный темно-синий деним рабочей куртки слесаря. Машина урчала сытым ровным басом.

Двести тысяч рублей аванса по контракту с модным домом «Северский» уже в девять утра переключевали в пухлые руки Веры Семеновны. Хозяйка подвала пересчитала купюры дважды, облизав узкие губы, и выдала Рите расписку о погашении долга. Подвал был спасен. Станки, запасы полотна и фанерные столы оставались на своих местах. Но это спасение пахло кабалой, от которой у меня саднило под ребрами.

Рита сидела в углу на хромоногом табурете и перебирала деревянные катушки со старыми нитками.

— Вот увидишь, Юлька, он заявится с огромным букетом кремовых пионов, — ворковала подруга, вертя в пальцах пузатую бобину. — Мужчины с такими часами не приходят в подвалы просто так. Он увидел в тебе нераскрытый бутон.

— Ему понадобилась колючая Золушка для рекламы, — сухо отозвалась я, не отрывая взгляда от бегущей лапки. — Мы подписали эту бумагу, чтобы нас не выставили на мороз вместе с оверлоком. Так что распутай лучше черную сороковку, у нее хвост внутрь провалился.

Колокольчик над входной дверью зазвенел резко и требовательно.

Дверь распахнулась, впуская в полуподвал волну холодного воздуха и терпкий аромат морозного кедра и дорогого табака.

На верхней ступеньке стоял Ян Северский.

Пальто из графитового кашемира струилось безупречными складками, на лацкане матово поблескивала булавка из черненого серебра. Белоснежный ворот сорочки подпирал гладко выбритый подбородок, из-под манжет выглядывали тяжелые платиновые запонки. В руках он держал тонкую кожаную папку и два бумажных стаканчика с логотипом пафосной кофейни.

Ян легко сбежал по ступеням и остановился посреди нашего крошечного помещения, заполняя собой все пространство.

— Доброе утро, бунтарка, — произнес он низким бархатным голосом, от которого Рита шумно втянула воздух. — Кофе еще горячий, латте на овсяном молоке без сахара. Собирайся. Наверху ждет представительский седан. В одиннадцать у нас закрытый бранч с поставщиками итальянской фурнитуры, потом примерка базовых лекал. Твое подвальное затворничество окончено.

Он поставил стаканчики на край моего раскройного стола, прямо на рассыпанные булавки.

Я медленно сняла ногу с педали. Чугунный маховик замер. Я подняла лапку, обрезала нить маленькими кусачками и повернулась к столичному гостю.

В груди kloкотало холодное упрямство. Этот холеный мальчик искренне полагал, что папка купюр превращает меня в его ручную куклу, готовую скакать по ресторанам по первому щелчку пальцев.

— Забери стаканчики со стола, Северский. — Я встала и показала на подставку для кружек у стены. Он все еще держал папку на весу, словно мы вот-вот уйдем. — На фанере останутся жирные круги, мне на ней сегодня кроить три метра натурального батиста.

Ян удивленно вскинул бровь.

— Мы опаздываем на встречу с первыми лицами индустрии.

— Это ты меня не услышал, — я сгребла со спинки стула тяжелую стопку из пяти пар грубых рабочих джинсов и с глухим грохотом опустила ее перед его полированными ботинками. Сизая пыль взметнулась в воздух. — Вот твой сегодняшний бранч. Джинсы ребят из автоколонны номер четыре. Оторванные карманы, расплывшиеся шаговые швы, выдранные пуговицы. Заказ принят, срок сдачи — сегодня к шести вечера.

Лицо Яна окаменело.

— Воронцова, ты бредишь. Ты дизайнер капсульной линии дома «Северский». Твоя задача — формировать визуальный код и пить шампанское на презентациях. Раздай это барахло соседним мастерским, я оплачу неустойку.

— Здесь нет барахла, — отчеканила я, подходя к нему вплотную. От него веяло сухим теплом салона дорогого автомобиля, но мой взгляд упрямо сверлил его переносицу. — Здесь вещи людей, которые платят за работу свои кровные копейки. В моем ателье командует тот, кто умеет держать в пальцах инструмент. Замысел без знания сопротивления материала — дешевый треп для светских бездельников.

— Ты проверяешь мое терпение? — процедил он со стальным блеском в серых глазах.

— Я учу тебя профессии, продюсер, — я сняла со стены узкий стальной распарыватель с красным пластиковым шариком. — Хочешь выпускать коллекцию под моей фамилией, изволь узнать, как устроена изнанка. Снимай пальто.

Рита в углу охнула и выронила катушку.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга. В нем боролись привычка повелевать и бешеное, азартное мужское самолюбие.

— Хорошо, — выдохнул он сквозь зубы. — Давай сюда свои тряпки.

Ян резким движением сдернул пальто, швырнул его на стул, сорвал платиновые запонки и закатал рукава сорочки до локтей. На его мускулистых предплечьях проступили синие вены. Он выхватил распарыватель и опустился на скрипучий табурет.

— Что делать с этим шедевром текстильной промышленности?

— Распороть пояс по лицевой строчке на двух парах, — я указала на толстый шов жесткого денима. — Не повредить ткань основы, вытащить обрывки ниток пинцетом. Лезвие держать под углом сорок пять градусов, короткими толчками вперед.

Ян усмехнулся, с силой вонзил острое в толщу ткани и резко рванул на себя.

Раздался сухой треск. Лезвие соскользнуло, пропорвав плотный хлопок на три сантиметра в сторону и оставив рваную рану на поясе.

Хлесткий щелчок сантиметровой ленты пришелся точно по его костяшкам.

— Ай! — Ян отдернул руку, вскинув яростный взгляд. — Ты с ума сошла?

— Руки держи, — невозмутимо сказала я. — Это двенадцатиунцовый деним, а не спагетти в ресторане. Ты режешь основу поперек долевой нити. Еще одно такое движение, пойдешь в магазин покупать клиенту новые штаны за свой счет. Инструмент ведут кончиком шарика вниз, покачивая кистью.

— Этот кусок железа тупой, как угол этого подвала, — прошипел Ян, потирая вспыхнувшую кожу.

— Кусок железа нормальный, руки у кого-то растут не из плеч, — парировала я, возвращаясь к машинке. — Работай, продюсер.

Следующие сорок минут Ян пытался на скрипучем табурете, поминутно чертыхаясь. Его идеальная укладка растрепалась, темные пряди упали на взмокший лоб. Белоснежные манжеты покрылись густым налетом синей пыли. Тонкие пальцы сводило судорогой от непривычных мелких движений. Он сломал один распарыватель, согнув кончик о потайную закрепку, получил еще два щелчка лентой за попытку рвать нитки силой, но упрямо продолжал ковырять жесткую ткань.

К исходу часа на столе перед ним лежали два отделенных пояса. После первой прорехи он вынимал каждую нитку почти с молитвой. Поврежденный участок я отложила: его еще предстояло укрепит.

Ян тяжело выпрямился на табурете, шумно выдохнув. Пальцы его мелко подрагивали, на виске блестела капля пота.

— Ну что, надзирательница? Примешь работу?

Я подошла, осмотрела край на просвет лампы и провела пальцем по срезу.

— Сойдет для первого раза, — бросила я, скрывая невольное уважение. Большинство мажоров бросили бы эту возню через три минуты. В Северском сидел железный, упрямый стержень. — Теперь вставай. Пора переходить к геометрии.

На деревянном помосте высился старый портновский манекен сорок четвертого размера в выцветшем сером полотне. На нем был наколот черновой макет экспериментального жакета со сложной асимметричной драпировкой по левому борту. Плотная шерстяная бортовка упорно топорщилась. Чтобы зафиксировать натяжение по косой, мне отчаянно не хватало третьей руки.

Ян поднялся, разминая затекшую поясницу, и подошел к помосту.

— Что теперь?

— Стой смирно и молчи, — я зачерпнула из жестяной коробки пригоршню тонких никелированных булавок и шагнула к нему. — Открой рот.

Ян опешил, отшатнувшись.

— Что?

— Рот открой. Мне нужны булавки под рукой, складка уйдет.

— Воронцова, я не буду держать в зубах железо!

— Они дезинфицированные спиртом, — я сделала шаг вперед, приподнялась на цыпочки и аккуратно вложила пучок булавок прямо между его приоткрытыми губами. Холодная полированная сталь легла ему на язык. — Языком не шевелить. Слюну не глотать. Разговаривать и вздыхать запрещено. Дернешься, вдохнешь глубоко — металл пойдет внутрь. Понял?

Ян застыл соляным столбом. Его серые глаза широко распахнулись. Губы плотно сжались вокруг стальных стержней, брови сошлись к переносице в бессильном бешенстве.

— Умница, — усмехнулась я. — Тебе идет этот образ. Молчаливый продюсер — мечта любого конструктора одежды.

Я взялась за левую полочку жакета, натянула бортовку, выверяя угол под сорок пять градусов, и протянула руку к его лицу.

Расстояние между нами сократилось до пяти сантиметров.

Я слышала, как прерывисто он дышит носом. Теплый воздух обжигал мне пальцы. Мои пальцы коснулись его нижней губы, влажной и мягкой, вытягивая первую булавку. Ян смотрел прямо на меня. В упор. В его зрачках бушевала темная, горячая буря.

Я прижала ткань к плечу манекена, вонзила булавку и снова потянулась к его губам.

Подушечки пальцев скользнули по щетине на подбородке, задев край его рта. Ян вздрогнул, но остался неподвижен, грудь под тонкой сорочкой вздымалась все быстрее. Я видела каждую темную ресницу у него на веках, крошечный шрамик над бровью, чувствовала древесный запах его кожи и холод стали.

Воздух между нами стал густым и горячим.

Мое сердце пропустило удар, а затем гулко заколотилось в горле. Пальцы на секунду задрожали. Ян уловил эту заминку. В глубине его серых глаз блеснула торжествующая искра. Он понял, что его близость выбивает меня из колеи точно так же, как стальной распарыватель выбивал его.

Я сжала зубы, подавляя краску на щеках, выдернула третью булавку и с силой всадила ее в макет, формируя диагональный защип.

— Держи натяжение плеча, Северский.

Он глухо замычал сквозь оставшиеся иглы, сердито сдвинул брови, но послушно положил широкую теплую ладонь на ткань у основания шеи манекена, удерживая край.

Мы закончили драпировку через пятнадцать минут. Жакет лег идеально. Ломаная линия среза подчеркивала талию, создавая динамичный, агрессивный силуэт.

Я сделала шаг назад, вытирая ладони о фартук.

— Все. Выплывай.

Ян моментально подставил ладонь, шумно выдохнул булавки и закашлялся, сгибаясь пополам.

— Ты ненормальная, Воронцова, — прохрипел он, жадно хватая ртом воздух и растирая сведенную челюсть. Губы его покраснели. — Настоящая садистка.

— Я учу тебя уважать чужой труд, — ответила я, обходя манекен. — Взгляни на линию борта. Если бы ты шевельнулся хоть на миллиметр, ткань легла бы пузырем.

Ян выпрямился, перевел взгляд на манекен, на сложную геометрию серой бортовки, и его губы тронула задумчивая улыбка.

— Линия хороша. Она ломает пропорцию, но вытягивает грудь. Где ты этому научилась?

— За машинкой, пока ты прожигал миллионы отца, — я кивнула на фанерный стол. — Иди сюда. Остался последний урок.

Глава 7

На столе лежали четыре длинных узких отреза разных тканей.

Ян подошел, скрестил руки на груди и с насмешливым прищуром посмотрел на рулоны.

— И что это? Серый кошмар годится на мешки для картошки. А вот этот блестящий кусок вполне приличный.

Я покачала головой.

— Ты судишь глазами, Северский. Глаза в моде — самый продажный орган. Они ведутся на глянец и софиты. Ткань нужно чувствовать кожей. Закрой глаза.

Ян вздохнул, но опустил веки.

Я подошла сбоку, взяла его правую руку за запястье. Его пульс бился ровно и сильно. Я подвела его ладонь к первому отрезу, опустив подушечки пальцев на поверхность.

— Веди вдоль кромки. Что чувствуешь?

Ян шевельнул пальцами.

— Шершавая. Плотная. Пахнет сухой травой.

— Суровое льняное полотно кустарной выделки, — пояснила я. — Нить неравномерной крутки, живая текстура. Оно дышит, держит форму годами. А теперь сюда.

Я перенесла его пальцы на соседний кусок.

— Скользящая, — пробормотал он. — Холодная, как стекло. Это шелк?

Хлесткий шлепок сантиметровой лентой по тыльной стороне кисти заставил его дернуться.

— Ай!

— Дешевый полиэстеровый атлас за двести рублей метр, знаток высокой моды, — отрезала я. — Он холодный, в нем нет натурального волокна, чистая пластмасса. Через десять

минут в таком платье женщина взмокнет, словно в пленке. Запомни это ощущение полиэтилена. Дальше.

Я опустила его ладонь на хлопковый отрез.

Ян сосредоточился. Насмешка сошла с его лица. Пальцы двигались плавно, оглаживая мелкое полотняное переплетение.

— Она теплая, — негромко произнес он. — Чуть бархатистая, мягкая, плотная. Словно забирает тепло ладони и отдает его обратно.

— Хлопковая бязь высокой плотности, — подтвердила я. — Честная ткань. А теперь последний.

Я перевела его руку на тончайший натуральный креповый шелк пепельно-серого оттенка.

Пальцы Яна замерли, едва заметно дрогнули. Он провел ладонью по невесомой струящейся ткани.

— Невесомый... — прошептал он с искренним благоговением. — Шероховатый, словно мелкий песок, течет сквозь пальцы как вода. Нагрелся от кожи в первую же секунду.

— Натуральный крепдешин, — сказала я, отпуская его запястье. — Он живой. Он реагирует на малейшее движение воздуха и тепло тела. Одежду нельзя придумывать на бумаге в отрыве от ее плоти.

Ян медленно открыл глаза.

Он стоял над фанерным столом, глядя на свои перепачканные синей пылью пальцы, на куски ткани, на старый манекен в углу. Весь его цинизм, напускное высокомерие продюсера растаяли без следа, уступив место жадному интересу человека, которому впервые показали изнанку привычного мира.

Он поднял взгляд на меня.

— Ты чертовски упрямая, Воронцова. И ты абсолютно права.

Я позволила себе чуть заметно улыбнуться.

— Первый урок окончен, подмастерье. Можешь допить свой остывший латте. Но стаканчик после себя выбросишь сам.

Во вторник к полудню наш полуподвал окончательно превратился в горячий паровой котел. Промышленный бойлер в углу утробно гудел, выбрасывая в сырой воздух клубы белого влажного пара. Запах перегретого железа смешивался с ароматом крепкого мятного чая, который Рита пила уже третьей кружкой подряд.

Ян Северский сидел за длинным гладильным столом. На нем была простая серая футболка без логотипов, которую он купил утром в соседнем сетевом универмаге, наотрез отказавшись пачкать вторую дизайнерскую сорочку. Правда, фирменные брюки с идеальными стрелками и полированные ботинки остались прежними, создавая причудливый контраст столичного шика и пролетарской спецовки. Под моим чутким присмотром он старательно заглаживал подгибку низа на новых брюках из той же автоколонны. Движения его стали увереннее, плечи больше не дергались при каждом шипении пара, тонкие пальцы научились прижимать край через влажную льняную марлю ровно на три секунды.

Дверь в ателье распахнулась от такого яростного пинка, что латунный колокольчик жалобно взвизгнул и сорвался с крепления, покотившись по ступеням.

В проеме возникла мадам Эльвира.

Супруга главного застройщика нашего округа вплывала в помещения подобно броненосцу императорского флота. Ее могучий бюст вздымался под тяжелым соболиным полушубком, лицо цвета спелой свеклы пылало благородным гневом, в униженных сапфирах пальцах она сжимала объемистый серебристый пакет из элитного бутика в Столешниковом переулке.

— Где эта бракоделка? — загремела Эльвира с порога, заставив Риту поперхнуться мятным чаем. — Вы мне сорвали прием у губернатора! У меня выход через два часа, сверху наряд трещит, снизу висит мешком для картошки!

Она швырнула пакет прямо на фанерный стол, едва не сбив жестяную банку с мелками. Из шуршащей упаковки вывалилась охапка плотного, ослепительно сияющего тяжелого шелка ядовитого оттенка фуксии.

Ян моментально выпрямился, опустил утюг на подставку и расправил широкие плечи. В его глазах вспыхнул знакомый хищный огонек светского льва, почуявшего родную стихию. Он шагнул вперед, на ходу включая фирменный бархатный баритон, способный растопить сердца самых неприступных светских львиц.

— Очаровательная мадам, умоляю, не волнуйтесь, — пропел он, склоняясь в изысканном полупоклоне и протягивая руку, словно собирался коснуться губами ее бриллиантовых перстней. — Перед вами креативное руководство дома «Северский». Я лично оценю баланс линий этой драгоценной ткани, мы устраним малейший дискомфорт вашего божественного силуэта.

Эльвира замерла на полсекунды, окинув Яна испепеляющим взглядом с макушки до носков туфель. Ее взгляд задержался на запыленных коленях его брюк, перепачканных мелом пальцах и дешевой футболке.

— Это еще что за клоун? — рявкнула дама, ее тяжелая сумка из крокодиловой кожи с глухим стуком врезалась Яну прямо в грудь, отбросив продюсера на шаг назад к стойке с вешалками. — Мальчик, отойди от меня и не путайся под ногами! Ты кто вообще такой, практикант сопливый? Позови нормальную портниху, пока я не вызвала сюда мужа с проверкой санэпидемстанции!

Ян опешил, хватая ртом воздух. Его щеки вспыхнули пунцовым румянцем, глаза округлились в полном, абсолютном шоке. Светский шарм, действовавший безотказно на светских раутах, разбился о чугунную броню замоскворецкой матроны в соболях.

Рита в углу прикрыла рот ладонью, мелко трясаясь от беззвучного смеха.

— Северский, отойди в угол и закрой рот, — сухо сказала я, выходя из-за раскройного стола с сантиметровой лентой на шее. — Твои комплименты на шесть сантиметров объем талии не уменьшат. Эльвира Сергеевна, проходите на помост. Показывайте, где жмет.

Клиентка с победным сопением сбросила соболей на руки Рите и втиснулась в примерочную. Через минуту она поднялась на круглый деревянный помост перед большим старым зеркалом.

Картина открылась удручающая. Платье прямого силуэта из натурального шелкового атласа трещало по швам. Молния на спине расходилась на уровне лопаток, не доходя до верхнего замка добрых шесть сантиметров. При этом подол лежал на досках бесформенной мятой лужей, полностью закрывая туфли на низком устойчивом каблуке, которые Эльвира надела взамен сломанных накануне двенадцатисантиметровых шпилек.

— Вот! — трагически простонала мадам, тыча пухлым пальцем в свое отражение. — Я дышать нормально не могу, снизу словно баба на чайнике! Сделайте что-нибудь, девки, миллион заплачу!

Я бросила выразительный взгляд на притихшего у стены Яна.

— Подмастерье, за работу. Бери синюю металлическую коробку на полке и марш сюда.

Ян подошел, хмуро глядя на меня исподлобья. Я вложила ему в ладони коробку с длинными никелированными булавками и ткнула пальцем в пыльный пол у подножия помоста.

— На колени, Северский. Будешь держать горизонт подола.

Ян замер. Его взгляд упал на доски, покрытые мелкой стружкой и обрывками ниток, затем вернулся к моим глазам.

— Воронцова, на мне брюки за три тысячи евро.

— Мне плевать, сколько стоят твои штаны, — отрезала я тихим, ледяным тоном. — Если подол не будет наколот через десять минут, клиентка уйдет с испорченным праздником, я вычту этот заказ из твоей доли. Падай, продюсер. Настоящая мода делается на полу.

Ян судорожно сглотнул, желваки на его челюстях заходили ходуном. Он опустился сначала на одно колено, затем на второе, прямо в пыль у ног пыхтящей Эльвиры. Помост находился прямо перед ним; под коленями захрустели обрезки ниток.

— Так, — скомандовала я, вставая рядом. — От пола ровно два сантиметра. Подгиб четыре сантиметра. Фиксировать булавками через каждые пять сантиметров по всей окружности. Руки освободи. Булавки в зубы.

Ян яростно сверкнул глазами, спорить не посмел. Он зачерпнул из коробки пучок булавок, отправил их в рот и зажал губами, превратившись в сосредоточенного, взъерошенного ежа.

— Эй, практикант! — подала голос сверху Эльвира, подозрительно косясь вниз. — Ты мне там туфли своей челкой не задень! И смотри, не вздумай уколоть за щиколотку, у меня кожа тонкая!

Ян сдавленно замычал сквозь металлические стержни, сверля подол убийственным взглядом. Его длинные пальцы легли на капризный шелк фуксии. Ткань скользила, норовила сбиться в косые складки, атласное переплетение упрямо сопротивлялось нажиму.

— Подай мне армированную сороковку в тон, — приказала я, прижимая боковой шов на талии клиентки. — В картонном ящике под помостом. Живо.

Ян пополз на коленях вбок, протянул руку под помост и вытащил ящик, доверху набитый разноцветными бобинами. Его пальцы заматались среди десятков катушек.

— М-м-ф! — раздраженно засипел он, не разжимая губ с булавками.

— Чего ты мычишь? Бери розовую нить с маркировкой сорок!

Он выдернул катушку, показал мне снизу вверх.

— Это семьдесят пять, дубина! — шикнула я, щелкнув ногтем по бобине. — Она тонкая, как паутина, лопнет на первом же повороте! Ищи сороковку с лавсановым сердечником, у нее гильза синяя!

Ян яростно зарычал сквозь зубы, зарываясь пальцами в путаницу ниток. Кончик языка у него окончательно одеревенел от металлического привкуса булавок, колени ломило от жестких досок, поясница горела огнем. Наконец он нащупал нужную бобину с синей пластиковой гильзой, сунул ее мне в руку и снова уткнулся носом в подол Эльвиры.

Следующие десять минут он ползал на четвереньках вокруг клиентки, методично вымеляя деревянным уголком расстояние от пола и вкалывая булавки с ювелирной точностью. Со лба его градом катил пот, капли падали на пыльные доски, линия подола поднималась ровно, как по лазерному уровню.

— Готово, — промычал он, выплевывая булавки в протянутую ладонь и тяжело опускаясь на пятки. Дышал он так, словно только что пробежал марафонскую дистанцию.

— Отлично, — я придирчиво оглядела низ платья. Горизонт был идеален. — Теперь главная проблема. Талия.

Эльвира стояла ни жива ни мертва, боясь сделать глубокий вдох.

— Девочки, милые, оно треснет, я чувствую!

— Не треснет. — Я взяла со стола распарыватель и подхватила по очереди нитки обоих боковых швов от проймы до бедра, отводя острие от кожи. Шелк разошелся, освобождая тело клиентки. Эльвира шумно и с наслаждением вдохнула полной грудью.

— Ты с ума сошла? — хрипло воскликнул Ян, поднимаясь с пола и потирая разбитые колени. — Ты распорол кутюрное платье за полмиллиона прямо по бокам! Чем ты закроешь дыры в шесть сантиметров?

Глава 8

— Знаниями колористики и анатомии, Северский, — я повернулась к стеллажу и достала длинный узкий отрез плотного шелкового атласа глубокого темно-сливового, почти черного оттенка. — Неси тяжелые ножницы.

Я расстелила отрез на фанере, прижала край ладонью и без всяких лекал, одним только точным глазомером начертила куском сухого мыла два длинных треугольных клина с острыми углами.

— Ты собираешься вшить темно-сливовые клинья в ярко-розовое платье? — Ян смотрел на меня так, будто я достала топор. — Это же чудовищная безвкусица! Два контрастных тона из разных температурных линеек! Они убьют вещь!

— Они спасут вещь и фигуру клиентки, дипломированный теоретик, — отчеканила я, с хрустом разрезая шелк тяжелыми черными ножницами. Стальные лезвия хищно защелкали по столу. — Темная вертикаль по бокам создаст оптический провал. Человеческий глаз воспринимает темные участки как тень, светлую фуксию по центру видит как единственный явный контур. Мы не просто дадим ей шесть сантиметров свободы, мы визуально уберем с ее талии добрых десять килограммов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.